

Аким Волынский

Литературные заметки.

Статья I.

Биография и...

Аким Волынский

**Литературные заметки.
Статья I. Биография и общая
характеристика Писарева**

«Public Domain»

1895

Волынский А. Л.

Литературные заметки. Статья I. Биография и общая характеристика Писарева / А. Л. Волынский — «Public Domain», 1895

Детские годы. – Первая любовь. – Университетская жизнь, студенческий кружок, Трескин. – Движения в университете, женский вопрос, разбор «Обломова» в «Рассвете». – Первые статьи Писарева в «Русском Слове». – Психическое расстройство, окончание университета, – Заключение романа и скандал на вокзале Николаевской железной дороги. – Крепость. – Труды, письма, новый роман в письмах и новая неудача. – Освобождение. – Последняя любовь, ссора с Благодетелем, сотрудничество в «Отечественных Записках». – Смерть. – Заключение.

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Аким Волинский

Литературные заметки.

Статья I. Биография и общая характеристика Писарева¹

I

Своеобразная, совершенно законченная фигура рисуется пред нами при изучении немногочисленных биографических документов, относящихся к жизни рано угасшего литературного таланта, начавшего свою умственную карьеру среди шума и грохота журнальной борьбы, в бурную эпоху шестидесятых годов. Это был человек, который своей внешностью и физическим темпераментом мало походил на страстных борцов, придававших определенный колорит современной ему журналистике. Обычное впечатление, производимое на публику его статьями, совершенно не совпадало с тем ощущением, которое он возбуждал при личных встречах. Казалось, что неумолимый разрушитель эстетики, с злым сарказмом и поразительным упорством издевавшийся даже над Пушкиным, беспощадный и прямолинейный враг всяких житейских кодексов, должен быть существом грубым, антиэстетическим, отрицающим на практике все, что могло казаться излишним с точки зрения убежденного реалиста того времени. Люди, не знавшие Писарева в лицо, руководимые ходячею легендою, должны были удивляться, увидев этого характерного представителя известного умственного движения. Он был совсем не таков, каким его ожидали встретить. Изящный, предупредительный, гладко причесанный и щеголевато одетый, охотно прибегающий в разговорах к французскому языку, сдержанный, хотя и самоуверенный в обращении, он мог служить образцом изысканно воспитанного молодого человека из состоятельной дворянской семьи. В общем его нельзя было назвать красивым. Только большой, открытый и чистый лоб и слегка выпуклые, темно-карие глаза под правильно очерченными бровями были красивы, отражали твердый, ясный и свободно стремительный ум. В остальных частях его лица было что-то дисгармоническое: длинный, слегка выдающийся подбородок, из под которого торчала вперед негустая белокурая борода, жидкие, высоко растущие усы, оставляющие открытым край длинной верхней губы, яркий, несколько вульгарный, кирпичного цвета румянец, как-бы застывший на щеках – все это производило не совсем приятное впечатление. Этому различию между верхней и нижней частью его лица отвечало явное несоответствие между его блестящим, смелым умом и медлительным, флегматичным темпераментом, который не давал ему сразу развернуться и обнаружить себя в одном патетическом моменте, в одной страстной, поэтической вспышке, который сообщал его диалектике плавный, напряженный, резкий, но холодный и несколько резонерский характер. Это был опасный спорщик – без увлечений в сторону, без скачков, без игры какими-бы то ни было психологическими эффектами, это был никогда не затрудняющийся, не ищущий слов оратор, всегда имеющий в запасе закругленные, безупречно литературные выражения, поражающий в живой речи тем-же, чем он изумлял всех, видевших его рукописи: способностью излагать свои мысли прямо набело, без единой поправки и перестановки, одинаково твердым и бестрепетным стилем и ровным, четким почерком. Эти характерные черты Писарева остались неизгладимыми в воспоминании людей, приходивших с ним в соприкосновение при жизни. Компетентный ценитель красноречия, блестящий, ядовитый оратор из корпорации петербургских адвокатов, друг и товарищ Писарева, В. И. Жуковский, передававший нам в личной беседе свои живые воспоминания о нем, не стертые потоком времени, с сочувственным удивлением

говорил о необычайной плавности и стройности устной полемической диалектики Писарева: речь его лилась беспрепятственно свободно, неутомимо, одинаково сильно и светло в каждом периоде. Старый типограф В. Ф. Демаков, которому приходилось в молодости в качестве наборщика иметь дело с рукописями Писарева, с восторженным хохотом описывал нам великолепные достоинства этих чистых, каллиграфически безупречных оригиналов без единой поправки. Все, виденные им, бесчисленные, разнообразные писательские почерки слились в его воображении во что то расплывчатое, неприглядное, мучительно нестерпимое для глаз наборщиков, но почерк Писарева, эти чистые страницы с ровными строками и отчетливо выписанными буквами стоят в его воображении со всею свежестью утешительных отдохновений. Иногда, рассказывал нам типограф, Писареву приходилось закончить статью в типографии, и необычная, шумная обстановка несколько не мешала ему излагать свои мысли с тою же легкостью, непринужденностью и отчетливостью. Таким-же невозмутимо аккуратным, слегка медлительным был он всегда, с молодых лет до последних дней своей короткой жизни. Даже во времена своего студенчества, в демократической обстановке товарищеского общежития, он не изменял ни в чем своим корректным привычкам благовоспитанного и склонного к внешнему изяществу юноши. К утреннему чаю он выходил последним. В то время, как товарищи бесцеремонно сходились у самовара, без всякого помышления о своих костюмах, Писарев, равнодушно внимая их призывам и понуканиям, сидел пред зеркалом, приводя в изысканнейший порядок свои изжелта-белокурые волосы, подчищая и подпиливая слегка опущенные ногти.

– Дмитрий Иванович, чай остыл! – кричал кто-нибудь из товарищей. А Дмитрий Иванович тщательно снимал последние пылинки со своего модного, из толстого сукна, пиджака. В общую комнату он выходил не иначе, как в самом законченном и безукоризненном туалете.

В годы возмужалости он был по характеру таким же, каким был в детстве и юности: чистоплотный, деликатный, уступчивый – во всем, кроме рассуждений. При темпераменте, неспособном на сильные взрывы, можно сказать бескрылом, его развитие шло ровным, безмятежным, несколько медленным ходом. Он учился в детстве целыми часами без перерыва и даже на прогулках упражнялся с помощью матери в передаче своих впечатлений на французском языке. Неповоротливый и несклонный ни к каким физическим забавам, он находил удовольствие в чтении книг и в раскрашивании картинок в иллюстрированных изданиях. У него были слабые, несколько вялые нервы и всякое неудовольствие раздражалось у него слезами. Детство до десяти лет он провел в деревне, сначала в селе Знаменском, Орловской губернии, потом в усадьбе Грунец, Тульской губернии, куда переселились его родители. В 1851 г. Писарев перевезен был в Петербург на попечение дяди, который определил его в 3-ю, классическую гимназию. В гимназии Писарев учился прилежно, обнаруживая заметные способности, тонкую память и ту особенную выправку, которая выдвигала его из толпы шумных, шаловливых товарищей. Безукоризненно и тщательно одетый, розовый, гладко причесанный и даже припомаженный, он производил впечатление, – рассказывает Скабичевский – переодетой девочки. Учебники его всегда содержались в самом исправном виде, а каждая его тетрадка в красивой, радужной обертке, с пунцовым клякс-папиром на розовой ленточке, занимала свое определенное место в его столе и сумке. Сам Писарев вспоминает об этом времени в своей прекрасно написанной статье. «Наша университетская наука» с некоторым чуть-чуть напускным юмором. «Я принадлежал в гимназии к разряду овец, пишет он. Я не злился и не умничал, уроки зубрил твердо, на экзаменах отвечал красноречиво и почтительно». Развитие его не принимало широкого размера и в своих литературных интересах он не шел тогда дальше романов Купера и Дюма. Он пробовал знакомиться с Маколеем, но чтение подвигалось туго и казалось ему подвигом, требующим сильного напряжения. На критические статьи в журналах он смотрел, как на какие то иероглифические надписи, совершенно не доступные человеческому пониманию. Русских писателей он знал тогда только по именам. «Словом, заключает Писарев, я шел путем самого благовоспитанного юноши»... Так проходили детские

годы Писарева, среди обычных, несколько бесцветных гимназических занятий и механического усвоения мертвенной гимназической мудрости. В Петербурге, в чопорной обстановке аристократического родственника, мальчик не мог развернуть тех умственных сил, которые крылись за его лимфатическим от природы темпераментом. Ничто поэтическое не вливалось ярким лучом в его прозаическую петербургскую жизнь. Ничто и в нем самом не обнаруживало никаких умственных брожений, которые впоследствии, преодолев препятствия темперамента, вырвались в его блестящих статьях, очертивших определенной, твердой линией умственный горизонт целой эпохи. Но его детское сердце было уже задето и тяготело к маленькому, изящному существу, с которым он мог видаться только в деревне своих родителей в дни вакационной свободы. Кузина Раиса, которую он любил с девятилетнего возраста, была привезена в его семью по смерти своей матери и должна была, до поступления мальчика в гимназию, воспитываться с ним вместе. Он обрадовался новому товарищу: его замкнутая, лишенная детских удовольствий жизнь стала более разнообразной и веселой. В этой «хрустальной коробочке», как прозвали Писарева с самого детства, что-то зашевелилось, засветилось, заиграло – взрослые легко могли наблюдать всякое, самое тонкое движение в душе чистого, правдивого и необычайно откровенного ребенка. Между ним и кузиной Раисой сразу вложились какие-то странные отношения, вытекавшие из особенностей их характеров. Они не походили друг на друга и их постепенное сближение должно было окончиться когда-нибудь трагически для Писарева. Еще в раннем детстве Раиса умела понимать людей, в среду которых она попадала при своем скитании от одного родственника к другому, сразу, на лету, с поразительной быстротой взгляда схватывая дух новой обстановки. Не взявши ни одной фальшивой ноты, она легко приспособлялась к чужим людям. С гибким умом, с сильно развитым воображением, разгоряченным преждевременным чтением романов, хорошенькая и кокетливая, Раиса должна была сразу заставить биться сильнее сердце неуклюжего мальчика с эстетическими наклонностями. Но в этой романтической привязанности преимущество с самого начала оставалось на стороне бойкой, набравшейся разных впечатлений девочки, хотя рассудком и знанием он далеко превосходил ее. Она побеждала его живым, поэтическим темпераментом, теми чертами своего характера, которые развились на почве этого темперамента и которых не доставало ему. Она тревожила его несколько вялое воображение, которому природа мешала самостоятельно раскаляться и вспыхивать побеждающим и опаляющим огнем. Маленький Писарев, с его рассудочной твердостью и ясностью и сердечной прямоотой, кротко шел по следам хорошенькой кузины, почти молился на нее, терпеливо выжидал её детской благосклонности, не будучи способен ни на какую страстную романтическую борьбу, в которой иногда добывается взаимность. А Раиса, подрастая, все смелее и смелее заглядывала своим острым, пытливым взором в глубину его верного, любящего, слегка беспомощного сердца, и не очаровываясь ничем, что она отгадывала в нем своим чисто женским инстинктом, искала недостающих впечатлений помимо него. Видаясь с ним ежегодно в вакационное время, она постепенно отталкивалась и отдалялась от него. Дружеские отношения их не прекращались, но шансы его любви падали все ниже и ниже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.